

ВОРЫ,

СОФЬЯ БАГДАСАРОВА

ВАНДАЛЫ

КРИМИНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
РУССКОГО ИСКУССТВА

И ИДИОТЫ

Софья Андреевна Багдасарова
Воры, вандалы и идиоты.
Криминальная история
русского искусства
Серия «Искусство с блогерами»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43676551

*Воры, вандалы и идиоты : Криминальная история русского искусства /
Софья Багдасарова. : Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-101420-9*

Аннотация

Глупость, надежда на авось и пьянство – вот то, что отличает русские преступления в сфере искусства: – Отковырять 602 бриллианта от икон и три дня прятаться за иконостасом, чтобы потом изнемочь от голода и жажды, и в буквальном смысле свалиться на голову полицейским. – Средь бела дня зайти в Эрмитаж и вырезать холст из рамы, сложить его в несколько раз... А потом подбросить картину видному политику. – На глазах у публики вынуть картину из рамы, оставить на брошенной раме свои отпечатки пальцев, потом спрятать картину на стройке. И быть арестованным на следующее утро. – Разбить по пьяни камнем окно музея, выпить еще,

забыться сном на антикварной мебели. И быть взятым с поличным – с единственной бронзовой статуэткой. В новой книге Софьи Багдасаровой, автора бестселлера «Омерзительное искусство» (номинант премии «Просветитель-2018») вы узнаете все о том, как совершаются преступления в российских музеях и кто обычно бывает преступниками. Все описанные в книге кражи, аферы и акты вандализма – совершенно реальные исторические события, и именно поэтому они особенно удивительны. Они абсурдны – и поэтому книга наполнена особенным, абсурдным юмором. Ведь иначе об этих преступлениях с национальным русским колоритом и не напишешь. Помимо увлекательных криминально-юмористических рассказов в книгу включены нормальные журналистские статьи про абсолютно дикие российские преступления, а также инсайдерские интервью от представителей современного арт-рынка, которые пожелали остаться анонимными, но зато раскрыли потрясающие подробности теневого антикварного бизнеса.

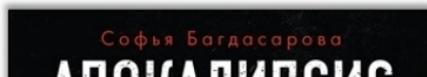
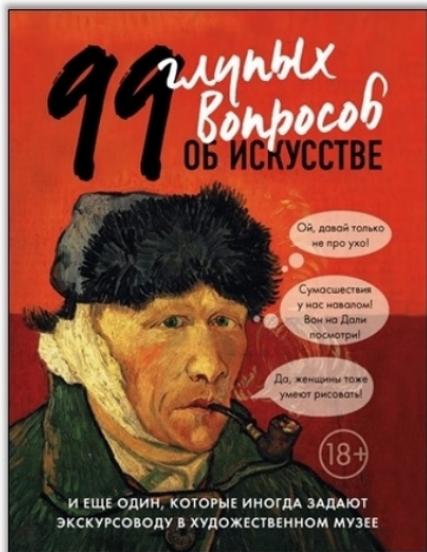
Содержание

Путешествие к искусству	6
I. Однорукий Аполлон	12
Интермедия № 1	20
II. Изумруды Успенского собора	26
Байка № 1	36
III. Гарем для коммунистов	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Софья Багдасарова

Воры, вандалы и идиоты: Криминальная история русского искусства

Путешествие к искусству

99 глупых вопросов об искусстве и еще один, которые иногда задают экскурсоводу в художественном музее

Все мы в разной степени что-то знаем об искусстве, что-то слышали, что-то случайно заметили, а в чем-то глубоко убеждены с самого детства. Когда мы приходим в музей, то посредником между нами и искусством становится экскурсовод. Именно он может ответить здесь и сейчас на интересующий нас вопрос. Но иногда по той или иной причине ему не удастся это сделать, да и не всегда мы решаемся о чем-то спросить. Алина Никонова – искусствовед и блогер – отвечает на вопросы, которые вы не решались задать.

Омерзительное искусство. Юмор и хоррор шедевров живописи

Эта книга – новый взгляд на классическое искусство, покорившее весь мир. Провокационное исследование мировой живописи, где София Багдасарова проводит настоящее расследование самых темных историй, без купюр. Людоеды, фетишисты и убийцы: оказывается, именно они – персонажи шедевров, наполняющих залы музеев мира. Истории, о которых мы так много слышали и о которых так мало знаем!

Апокалипсис в искусстве. Путешествие к Армагеддону

Книга «Апокалипсис», или «Откровение Иоанна Богослова», – самая загадочная и сложная часть Нового Завета.

Эта книга состоит из видений и пророчеств, она наполнена чудищами и катастрофами. Издание включает в себя полный текст «Апокалипсиса» с комментариями Софьи Багдасаровой, а также более 200 шедевров мировой живописи, которые его иллюстрируют. Автор расскажет, что изображено на картинке или рисунке, на что стоит обратить внимание – теперь одна из самых таинственных и мистических книг стала ближе.

Искусство под градусом. Полный анализ роли алкоголя в искусстве

Автор книги с иронией рассказывает, кто, как и зачем использовал алкоголь в изобразительном искусстве (от Античности с ее дионисийским и вакховским культурами) и до мировых шедевров Ван Гога и Пикассо. Что пили литераторы, кинематографисты и другие деятели культуры? Это и многое другое в эксклюзивной дебютной книге от Максима Жегалина.

* * *

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:

© Alexander Makarov / Alamy / DIOMEDIA;

© Рудольф Кучеров / РИА Новости

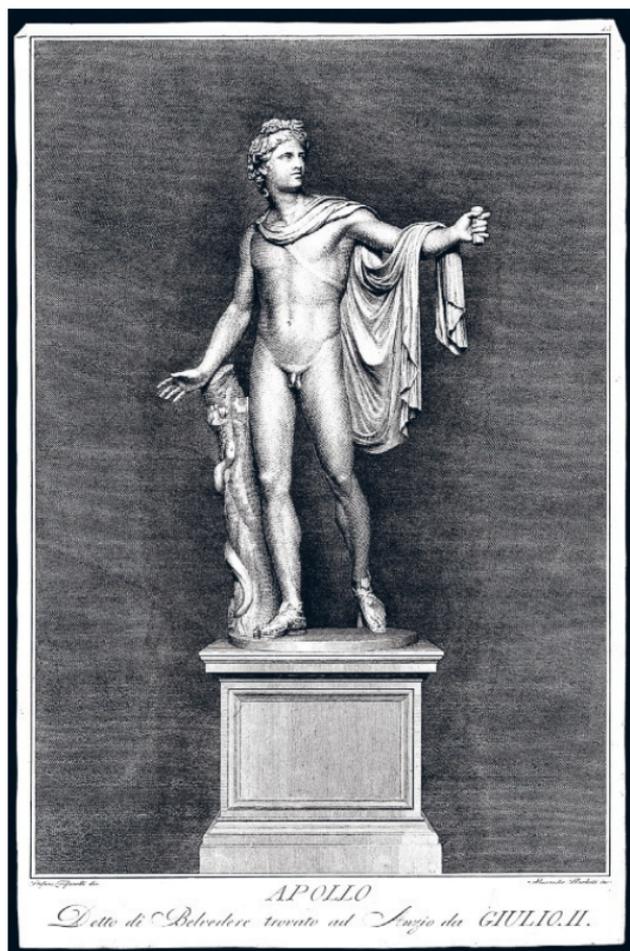
© Киноконцерн «Мосфильм» (Кадры из фильмов)

© «Государственный Эрмитаж», фотографии, Санкт-Петербург, 2019

© «Государственная Третьяковская галерея», фотографии, 2019

© «Государственный Русский Музей», фотографии, Санкт-Петербург, 2019

© Белинский Юрий / Фотохроника ТАСС

«Аполлон Бельведерский». Гравюра Алессандро Мочетти с оригинала Стефано Тофанелли. Начало XIX века

© Текст, Софья Багдосарова, 2019

© Рисунки, Мария Пономарева, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Издано много книг, рассказывающих о криминале в сфере искусства. Однако все они, даже те, что выходят на русском языке, повествуют в основном о преступлениях, совершенных на Западе, – краже «Джоконды», подделках Леонардо и т. п. Скандалы, связанные с Россией, попадают в эти документальные расследования редко, как отдельные главы.

Эту лауну мне захотелось заполнить. Так что вы сейчас держите в руках первую книгу на русском языке, рассказывающую исключительно о «русских» преступлениях в сфере живописи, скульптуры и ювелирного искусства – кражах, подделках и вандализме.

Слово «русский» здесь имеет весьма широкое значение. Во-первых, речь пойдет о проблемах с работами российских художников непосредственно на территории России и Российской империи. Во-вторых, я расскажу о скандалах, случившихся с российскими произведениями на Западе. И наконец, если произведение искусства сделано иностранцем, но само преступление совершено в России, вы тоже о нем узнаете.

Отдельно предупреждаю о нестандартной стилистике этой книги. Сначала моим планом было создать обычный документальный текст, подробно и в хронологическом порядке рассматривающий знаменитые преступления и, возможно, современный криминальный арт-бизнес.

Но по мере сбора материала становилось очевидно, что первоначальный замысел не получается воплотить. Собранные в одну кучу факты, сюжеты и персонажи образовали критическую массу. Стало ясно, что русские преступления в сфере искусства качественно отличаются от иностранных. Там злоумышленниками движут хладнокровный расчет и жажда наживы. У нас же на первый план выходят глупость, надежда на авось и зачастую банальное пьянство.

Бессмысленных и абсурдных преступлений оказалось так много, что стало ясно – писать об этом серьезно невозможно. Тут нужен взгляд Салтыкова-Щедрина, Аверченко, Зощенко, а порой и Хармса. Только под этим углом, возможно, получится передать эту русскую хтонь, просочившуюся даже в тот вид криминала, который мы привыкли считать наиболее романтичным и элегантным.

I. Однорукий Аполлон

С чего начать «Криминальную историю русского искусства»? Со дня возникновения современной Российской Федерации? Нет, это значит, что придется писать о еще живых и бодрых людях, которые могут воспринять книгу слишком лично. Не хочу, боязно. О них – только эзоповым языком и без фамилий. (Но все-таки напишу, читайте в рубрике «Байки».) А может, начать с позднесоветского периода, когда криминал в антикварном мире начал разворачиваться во всю силу? Но эти люди тоже еще достаточно бодры и теперь совсем матеры, см. предыдущий пункт моих волнений. А почему тогда не начать с 1945 года? Или с Революции 1917 года? Вот когда творились грандиознейшие преступления против искусства. Столько эпизодов вандализма, краж и перераспределения ценностей мир не видел. Только изготовлением фальшивок тогда не занимались – не до кропотливой работы было.

Впрочем, зачем же обделять Российскую империю? И при ней уже случались громкие преступления, не забытые до сих пор.

1900 год как граница не годится – и в XIX веке у нас происходили весьма любопытные истории, гремевшие на всю Европу. Тогда, может, возьмем как водораздел 1800 год? Но вот, смотрите, замечательная история про то, как император

Павел, вступив на престол, изничтожал произведения, прославлявшие его мать, Екатерину Великую, – например, снял статую богини Минервы с крыши Пашкова дома. Чем не знаковый случай вандализма? Но Екатерина умерла в 1796 году. Нет-нет, пожалуй, не будем дальше углубляться в историю, а то так мы дойдем и до обращения Петра с церквями и царскими регалиями, до разграбления поляками Кремля, исчезновения библиотеки Ивана Грозного и кражи драгоценного пояса княгиней Софьей Витовтовной (с рукоприкладством).

Пушкин! Пусть он, веселый и великий для русской культуры, станет нашей начальной вехой. Давайте же с Пушкина начнем нашу летопись краж, подделок и вандализма в русском искусстве XIX–XXI веков.

* * *

Княгиня Зинаида Александровна Волконская была богатая, красивая и, говорят, талантливая: и пела профессионально, и музыку сочиняла, и стихи писала хорошие, и прозой отлично, и переводчица великолепная. Ничего, правда, в историю не вошло, но это мелочи, главное, что друзья хвалили искренне.

У нее был дворец на Тверской, где часто собирались гости. Весь цвет русской поэзии. Пушкин туда приходил, Баратынский, Вяземский, Денис Давыдов, Веневитинов, Одоевский, еще Кюхельбекер, конечно, Дельвиг и так далее по

списку. Приезжего Адама Мицкевича привечали, кормили, окружали душевным теплом.

В салоне программно занимались музыкой и литературой, а в карты играть было нельзя – поэтому настоящие кутилы сюда не заходили, одни очкарики. Они же, к счастью, – великие поэты, «золотой век русской культуры». Стихи все посвящали хозяйке наперебой, практически это был спорт такой. «Волшебница! Как сладко пела ты!» – безответно нудел архивный юноша Веневитинов. «Как сон, как поэта живая мечта», – это уже Киреевский. «Ее стан величав, как сосна на холме», – Андрей Муравьев. «Царица муз и красоты», – Пушкин. Что делать, когда хочется много лайков и восторгов, а инстаграма еще не изобрели? Открывай литературный салон в шикарном дворце и хорошо корми гостей.

Женщин, что характерно, приглашали мало. По крайней мере, их имена в мемуарах и списках гостей не сохранились.

И вот однажды в этом дворце среди гостей завелся молодой поэт Андрей Николаевич Муравьев. Особняк этот, кстати, был роскошный, недаром в период разложения феодально-крепостнического строя там открылся гастроном «Елисеевский», с лепниной и осетрами. Подробное описание прилавков и интерьеров у Гиляровского в советское время поражало голодных читателей. Там и сейчас неплохо – будете мимо идти, в окошко загляните.

Муравьев был двадцатилетний белокурый красавчик, который очень подружился с княгиней Волконской и писал ей

всякое в личку, типа «кудри спят на плечах снеговой белизны». Понятно, что плюгавого чернявого и на тот момент уже пожилого (почти тридцатилетнего) Пушкина он слегка бесил. Тем более что стихи Муравьева выходили довольно незрелые и наивные, а по понятиям того общества, в таком случае – нечего было выпендриваться.

Итак, перейдем к документации акта вандализма: был конец февраля – начало марта 1827 года. Наш молодой поэт Андрей Муравьев шел по парадной лестнице особняка Зинаиды Волконской (построенного великим архитектором Матвеем Казаковым). На лестнице стояла гипсовая статуя Аполлона Бельведерского с торчащей такой рукой.

Увалень Муравьев шел-шел по лестнице и нечаянно отломил статуе руку. Уж не знаю, как надо было извернуться.

Блондин стал извиняться, просить прощения у блистательной хозяйки. И, чтобы загладить свою вину, решил поступить по-карамзински изящно – написать на постаменте покалеченной статуи поэтические строчки. Чтобы их потом другие гости литературного салона Волконской цитировали и восхищались его остроумием.

Муравьев написал:

О Аполлон! Поклонник твой
Хотел померяться с тобой,
Но оступился и упал,
Ты горделивца наказал:
Хотел пожертвовать рукой,

Чтобы остался он с ногой.

Вышло вроде бы ничего так, однако куда нам, потребителям букв в XXI веке, судить об истинном качестве поэзии. В ту эпоху люди в стихах разбирались лучше, и экспромт Муравьева показался им глупым фанфаронством молодого выскочки. Лично же я, как человек, измученный ремонтом, отмечу, что ни один из мемуаристов не записал что-нибудь типа: «Муравьев сразу же предложил компенсировать затраты на ремонт статуи и дал денег на приделывание руки обратно / Муравьев немедленно написал папе римскому в Ватикан, попросил выслать новый слепок, оплатил почтовые затраты / Муравьев сразу же подарил княгине взамен совершенно потрясающую и целую статую другого обнаженного мужчины». Значит, Муравьев ограничился только написанием стишков. Значит – действительно дешевый фанфарон. Пацан сказал, а мужик бы сделал.

А Пушкин же был человек злой, остроумный. Блондинов не любил. И Зинаиду Волконскую, если честно, тоже не очень любил – подсмеивался. И над ней – с ее талантами, и над ее протеже, с плечами снеговой белизны. А «Недоросля» Фонвизина любил, пьесу. За богатство образов.

Услышал он о случившемся вандализме (лишение статуи конечности и исписывание ее рифмованным граффити), и испытал истинное страдание. Тонкой души человек. Поэтому решил написать Муравьеву гадость.

Сочинил эпиграмму. Да еще и добился ее публикации в многотиражке:

Лук звенит, стрела трепещет,
И клубясь, издох Пифон;
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан.

Андрей Муравьев на рисунке Михаила Лермонтова.
1835–1837.

ИРЛИ РАН

Потом, правда, Пушкин слегка переживал, что дальше будет, после того, как Муравьев это издевательство прочтет. Другу Пушкин жаловался: «Однако ж чтоб не вышло чего из этой эпиграммы. Мне предсказана смерть от белого человека или белой лошади, а NN – и белый человек, и лошадь».

Невысоко ценили умственные способности Андрея Николаевича Муравьева в тесном кругу интеллектуальной элиты пушкинской поры.

Еще хуже отреагировал поэт Евгений Баратынский, правда, печатать не стал – нашли потом в черновиках.

Убог умом, но не убог задором,
Блестящий Феб, священный идол твой
Он повредил: попачкал мерным вздором
Его потом и восхищен собой.
Чему же рад нахальный хвастунишка?
Скажи ему, правдивый Аполлон,
Что твой кумир разбил он как мальчишка
И как щенок его загадил он.

Отраднo читать, как сплoтились поэты, осуждая первый заметный акт вандализма в русском искусстве.

Муравьев потом нашел себя – стал православным духовным писателем и принялся работать в Священном Синоде.

Пушкина убил другой блондин. Баратынский пять лет спустя тоже умер, внезапно и загадочно. Волконская приняла католицизм и уехала на постоянное жительство в Рим, где жила долго и счастливо в еще более роскошном дворце.

Неизвестной и вызывающей беспокойство остается только судьба гипсовой статуи Аполлона Бельведерского.

Интермедия № 1

Ночь в музее по-русски

По сообщению портала новостей «Фонтанка. ру», в ночь на 15 июня 2018 года 30-летний Дмитрий Лапаев, прибывший в Санкт-Петербург из города Саянска (Иркутская область), оказался в Государственном музее-заповеднике «Павловск». Находясь в состоянии алкогольного опьянения, около 2 часов ночи он разбил камнем стекло двери музейного кабинета «Палатка», залез внутрь и начал самостоятельную экскурсию. Прибывшие на срабатывание сигнализации сотрудники ЧОП «Калибри гарант» признаков проникновения во дворец не обнаружили и уехали прочь.

Позже на суде Лапаев расскажет, что его главной целью было найти место, чтобы переночевать: «Я неофициально работал сборщиком стеллажей и случайно оказался рядом с местом преступления. Ждал начальника, чтобы он отвез меня на объект. Не дождался, стал искать ночлег».

Внутри здания Лапаев провел около четырех часов, многократно нарушая главную музейную заповедь – «Экспонаты руками не трогать». Что и зафиксировали камеры видеонаблюдения. В покоях императрицы Марии Федоровны Лапаев употребил принесенный с собой алкоголь и заснул на предмете меблировки XIX века.

Из всех экспонатов, выставленных в залах дворца, Лапаеву особенно приглянулась статуэтка в стилистике александровского ампира из кабинета «Фонарик», возможно, принятая им за золотую. Согласно заявлению работников музея, это было «пресс-папье золоченой бронзы, Россия, Санкт-Петербург, 1814 г., в виде мужской фигуры бегущего ополченца, держащего французское знамя в правой руке, в поднятой левой – шляпу, на прямоугольном основании, на котором выгравировано: *Для вечной памяти сражения при Полоцке вь октября 8 дня 1812 год*». В Павловский дворец, согласно архивным документам, пресс-папье поступило вскоре после создания.

Предварительная стоимость предмета, по оценке музея, составляла 5 млн рублей, потом музей понизил сумму до 950 тысяч, отметив, что аналоги этого редкого пресс-папье хранятся только в Эрмитаже и Историческом музее.

Покинув дворец, мужчина залез в киоск с мороженым, расположенный неподалеку. Там он вскрыл кассу, забрал оттуда 3 тысячи рублей, после чего поехал в Петербург на электричке. Разбитое окно и кража были замечены сотрудниками музея после прихода их на работу, около 9 часов утра, тогда же была вызвана полиция.

По-прежнему пьяный мужчина был задержан правоохранительными органами днем того же дня неподалеку от Сенной площади. Похищенное пресс-папье находилось при нем – правоохранителям Лапаев сначала заявил, что нашел его

в канаве.

Приговор Лапаеву по статье 158 Уголовного кодекса РФ был вынесен в октябре 2018 года. Он был признан виновным в двух эпизодах кражи – из дворца и из киоска с мороженым. Пушкинский районный суд приговорил его к двум с половиной годам лишения свободы в колонии общего режима. В качестве ущерба обвиняемый должен выплатить 79 347 рублей – в эту сумму музею обошлась реставрация статуэтки ополченца, которой Лапаев, по собственным словам, «отломал флажочек».

Похищенное бронзовое пресс-папье с фигуркой ополченца

В ходе слушания в суде Лапаев полностью признал вину, раскаявшись в содеянном.

«Я даже не понял, что попал в музей», – передает его слова объединенная пресс-служба судов Петербурга.

Кабинет «Фонарик» в Павловском дворце

Владимирская Богоматерь в полном драгоценном окладе.
Рисунок Федора Солнцева из издания «Древности Россий-
ского государства», 1846—1853

II. Изумруды Успенского собора

Загнивающая Российская империя, 1910 год, ночь на восьмое апреля. Четыре часа утра. Темен Кремль, символ царизма, темны кремлевские соборы, вместилища опиума для народа. На посту стоит часовой по имени Алексей Казимиров, и он не дремлет, несмотря на час волка. Он слышит звон стекла, бежит на звук и видит, как в окошке белокаменного собора Успения Пресвятой Богородицы образовалась большая дыра.

Часовой поднимает тревогу, будит сторожей, спавших в храме Двенадцати апостолов. Двери собора на ночь заперты – преследовать вора внутри здания невозможно. Собор оцепляют военным караулом: из окна не вылезти, с крыши не прыгнуть. Сейчас же телефонный звонок раздается в квартире начальника Московской сыскной полиции Аркадия Кошко. (Звонок – дело нередкое в загнивающей империи, в ту пору в Москве было уже более 50 тысяч абонентов.)

Кошко в своих мемуарах оставил подробное описание дальнейших событий. Дочитаете мой труд, беритесь за его трехтомник – восхитительные воспоминания, детективные рассказы из реальной жизни. Все великолепным русским языком написано: там еще трупы без головы, массовые убийства детей-подмастерьев, кражи драгоценностей у графинь и поиски силами полиции сбежавших кошечек.

Двери Успенского собора отпирают в присутствии полицейских чинов, они начинают обыск. «Да что там обыскивать – плевое дело!» – скажут сегодняшние завсегдатаи музеев Московского Кремля, которые помнят, как этот храм выглядит изнутри: стены сплошь во фресках, иконостас, чего-то там вдоль стен (надгробия патриархов). Однако учтите: в нашей оперативной памяти внутренние виды кремлевских соборов – в том состоянии, до которого их довели большевики. Эти товарищи активно выступали против ненужной роскоши, избыточного дизайна интерьеров, а также за музеефикацию изживших себя религиозных объектов, а еще лучше за их распил или переплавку. (Например, в 1922 году в Гохран из Успенского собора было передано 13 ящиков с 76 пудами серебра – около 1200 килограммов: оклады икон, раки, подсвечники, лампы, прочая утварь. Сотни икон из кремлевских соборов передавались в Исторический музей, Третьяковскую галерею.) Так что тогда, в 1910 году, Успенский собор внутри еще не был светлым, хорошо проветриваемым помещением, где без толкотни спокойно могут разойтись шесть-семь (но не восемь!) групп китайских туристов. Скорей, он напоминал магазин антикварной мебели, плотно заставленный образчиками декоративно-прикладного и прочего искусства, где по проходам едва пробираешься, боишься плечом опрокинуть.

Но тут ущерб бросился в глаза сразу. Та самая «Владимирская Божья Матерь», которая главная русская икона, то-

гда висела в огромном киоте два метра высотой, похожем больше на шкаф – резной, позолоченный. Внутри этой сени икона и стояла, в золотом окладе с драгоценными камнями, среди которых особенно выделялись два изумруда размером почти со спичечный коробок, карат по 20 (оплачено патриархом Никоном в XVII веке, и оплачено щедро).

Дореволюционный интерьер Успенского собора на картине Валентина Серова. 1896.

Национальный художественный музей Республики Беларусь

Вот изумруды вору-то и приглянулись. Судя по уликам,

он залез внутрь «шкафа», притворил за собой дверцы (чтобы поменьше шуметь) и ювелирным инструментом их отковырял, а потом другие камни, что на окладе были.

На дне киота валялся окурок.

Кроме Владимирской Богоматери, вор ободрал еще иконы Успения Богородицы и Благовещения, список Владимирской в Петропавловском приделе и Животворящий крест со Древом Господним. С Устюжской Богоматери снял бриллиантовую звезду и напоследок взломал две жестяные кружки для пожертвований, забрав все до копеечки.

Пространство собора обыскивают целых пятьдесят полицейских агентов. Шуруют между надгробиями, раками и всякими царскими местами. На крышу загоняют пожарных, которые проверили купол, дымоходы. Сквозь врата главного иконостаса заходят в алтарную часть и проводят обыск там. Но кроме этого иконостаса на восточной стене (сохр. до наших дней), в храме по боковым стенам были еще и другие, даже не иконостасы, а просто сплошные щиты из икон. Они отстояли от стены на несколько десятков сантиметров, и при желании там мог спрятаться человек (щуплый). Это пространство полицейские, встав на табуреточки, прошупывают сверху длинными шестами.

Вездесущий Гиляровский советует полицейским привести в храм собаку, но те стесняются.

Обыск ничего, кроме окурка и золотых опилок, не дает. Сбежал, сбежал наверняка, думает митрополит Владимир и

хочет начать богослужения, но хитроумный и опытный Кошко, знающий, какими ушлыми бывают российские уголовники, предлагает устроить засаду. На ночь в храме оставляют четырех человек, сидящих в темноте, тщательно прислушивающихся к малейшему шороху и очень опечаленных тем, что курить невозможно (не лезть же для этого в позолоченный шкаф).

Так проходят сутки, вторые, третьи... Пустой собор так и стоит, даже мышь в нем не пробегает, только стража из городских меняется, а митрополит нервничает и, используя административный ресурс, оказывает давление на следствие, уж больно ему хочется снова начать богослужения в храме, очень надо, что же тот так и простаивает зазря.

10 апреля, вечер, Кошко на коленях выпрашивает у митрополита еще несколько часов, сидит у себя в кабинете, грызет ногти, волнуется за карьеру, царская ведь семья следит за историей, шлет телеграммы из Петербурга и вообще.

И тут снова его срывают звонком в Кремль: в храме раздались выстрелы. Дело было так – дежурят в ночном соборе несколько человек охраны. Двое бдят, а два других завалились спать под трон царя Бориса (но не похрапывают, чтоб тишину не нарушать и не вспугнуть злоумышленника). И вот посреди ночи раздается стук, еще один и другой. Перекрестились охранники, на которых окружающие гробницы патриархов и святых угодников, мерцание лампад и блики золотых риз, конечно, гипнотизирующее впечатление произ-

водили. Стали молитву шептать (хорошо, у них с собой мела не было, а то бы пол испачкали). Тут с верхнего ряда икон срывается одна старинная доска, с грохотом падает вниз, в образовавшемся квадрате появляется страшная фигура без глаз, рта и прочих необходимых человечеству черт. В ужасе открывают полицейские стрельбу по ней из маузеров, попадают не в него, а в иконы («Константин и Елена», «Борис и Глеб», а также в конторку церковного старосты: очевидное свидетельство паршивой огневой подготовки полицейских в загнивающей империи, отсутствия доступных тиров, инструкторов, надежного табельного оружия и т. п.).

Человек, впрочем, сам тоже в ужасе и валится сверху на пол. Живой, невысоко там было. Лица у него не имелось, потому что он был окутан вековой серой пылью, словно оренбургским пуховым платком. За три дня, что вор прятался в соборе, он так оголодал – едва на ногах держался. За все это время он съел только одну просфору и выпил бутылку кагора, которые в алтаре нашел, – тоже мне, Святое Причастие. Лампадное масло он пить не решился. Из укрытия его выгнали голод с жаждой, а не нашли его при обыске, потому что, когда позади икон шарили шестами, он забился в углубление под киотом Тихвинской иконы.

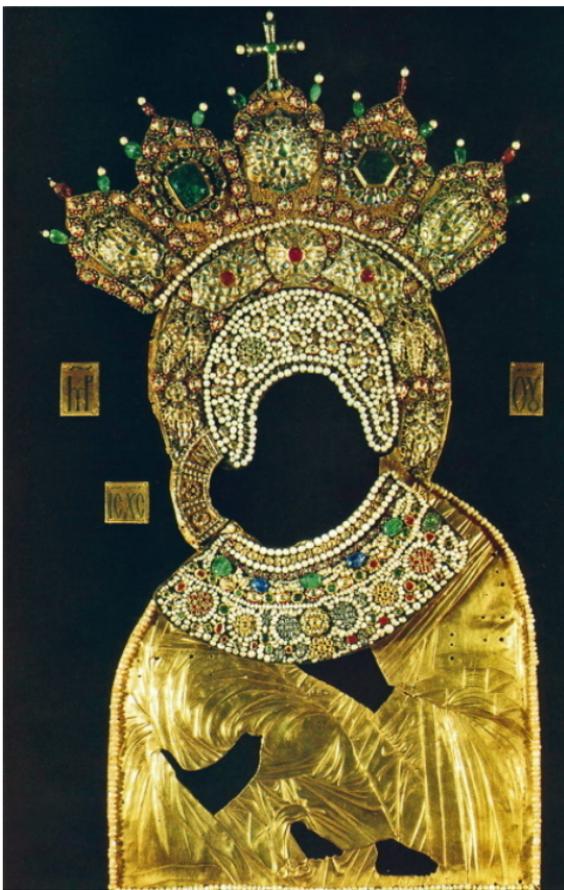
Звали его Семин Никита Филиппов, 18 лет, из крестьян, безработный, ранее ученик ювелира.

История ограбления, оказывается, была такая: этот несостоявшийся золотых дел мастер любил ходить по церквям,

особенно в Успенский собор, особенно прикладываться к иконам, чтоб разглядывать их драгоценные украшения, – такой молодой, а уже с профдеформацией! Оборванец давно шатался по храмам и привлекал своим странным поведением внимание служителей. Однажды вечером, незаметно отделившись от толпы стоявших на богослужении, Семин спрятался в уголке одного из пределов, забравшись на деревянный шатер. Когда пустой храм заперли, он спустился, достал свой напильник и прошелся по иконостасу, выбирая самые крупные камни.

Сделав свое дело, он хотел вылезти из окна, и именно тогда шум стекла и падающих икон привлек внимание караульного. Прежде чем двери отперли и начался обыск, Семин спрятал добычу в одной из гробниц, между металлическими гробами, так что и не найдешь никогда, если не знаешь (большевики бы нашли, при инвентаризации). А сам залез под икону: когда в храм пустили бы толпу, он собирался вылезти и смешаться с ней, а драгоценности забрать через месяц-другой, когда все стихнет.

Добрый русский народ, как рассказывает секретарь Гиляровского, шутил на эту тему, что не сильно бы вор выиграл. Они подозревали, что давным-давно эти драгоценные камни были подменены попами на стекляшки.

Современный вид уцелевшего оклада Владимирской Богоматери.

Музеи Московского Кремля

Официальная опись найденного гласит: «золотой венец, весом в пять фунтов с пятью коронами из крупного жемчу-

га и драгоценных камней, золотой запон с 39 крупными алмазами, два больших граненых изумруда с расположенными вокруг них 32 изумрудами меньшего размера, 52 крупных алмаза, в верхних коронах: 10 крупных изумрудов, 4 рубина и 14 бурмицких зерен, в средней короне: алмазный крест из 9 крупных алмазов, крупный рубин с бурмицкими зернами...» Уф, пальчики устали перепечатывать, это только четверть списка, полную опись читайте в «Московских церковных ведомостях» (выходные данные см. в «Библиографии», я ведь свою третью книгу решила прилично оформить, по ГОСТу, прям как у взрослых). Общим счетом, короче, 602 бриллианта ценой больше полумиллиона рублей.

Суд приговорил Семина к восьми годам каторжных работ.

Золотой оклад после революции был снят с Владимирской иконы, ныне он частично находится в Оружейной палате (все-таки не стекляшки там, проверено). Владимирская икона тоже покинула собор и в 1930 году попала в Третьяковскую галерею (стоит теперь в действующем храме святителя Николая в Толмачах). Аркадий Кошко оказался в эмиграции, где держал частное сыскное бюро и написал мемуары.

Митрополита Владимира (Богоявленского) расстреляли в феврале 1918-го.

В этой книге, уважаемый читатель, вы увидите тексты трех жанров. Первый – это «новеллы», большие рассказы, в которых я рассказываю о

конкретных крупных преступлениях. В них я активно выражаю свою авторскую позицию, не стесняюсь в выражениях и употреблении сленга, много и не всегда удачно шучу. Второй – это «интермедии», которые, наоборот, написаны максимально нейтральным тоном, обезличенным языком журналистских текстов.

И, наконец, третий – это «байки», которые покажутся вам самым необычным способом рассказа о преступлениях. В их основе – несколько интервью, которые я взяла у реальных людей, в разной степени связанных с арт-рынком. Эти люди пожелали сохранить анонимность. Подробности, по которым можно узнать их самих или описываемые ими ситуации, убраны или замаскированы, имена художников и описания произведений изменены. Однако даже без настоящих фамилий картина происходящего в наши дни на российском арт-рынке, надеюсь, обозначится весьма колоритная. Такой способ рассказа о том, что происходит, я выбрала, чтобы избежать нареканий от конкретных фигурантов (как в судах, так и более личных). Тем не менее еще раз подчеркну: все, что вы прочтете в этой книге в рубрике «байки», – чистой воды вранье, фольклор, искусствоведческие анекдоты, застольная брехня под пиво, пересказанные друг другу по двести раз истории, которые от пересказа уже давно потеряли то зерно истины, которое изначально, быть может, в них присутствовало. Все совпадения с реальностью совершенно случайны. Ну или почти случайны.

Байка № 1

(которая несколько выбивается из общего ряда, однако задает единый настрой, демонстрируя, что вся эта рубрика будет просто трепом), рассказанная в 1990-е годы одним очень-очень жизнерадостным пластическим хирургом в маленьком коттедже в московском поселке Сокол, где подпольно собирали компьютеры силами сотрудников исторического факультета

Моя мама – тоже врач, только она работала патологоанатомом. Она была еще более жизнерадостной, чем я. Приходит, бывало, со смены, руками всплескивает и щебечет восторженно: «Ах, я только что такой трупик препарировала! Ну, весь в червях, прямо весь в червях!» Папа тоже был человеком позитивным. Сам он блокадник, был в голодном Ленинграде, но из всех историй о выживании там предпочитал рассказывать одну историю, оптимистичную.

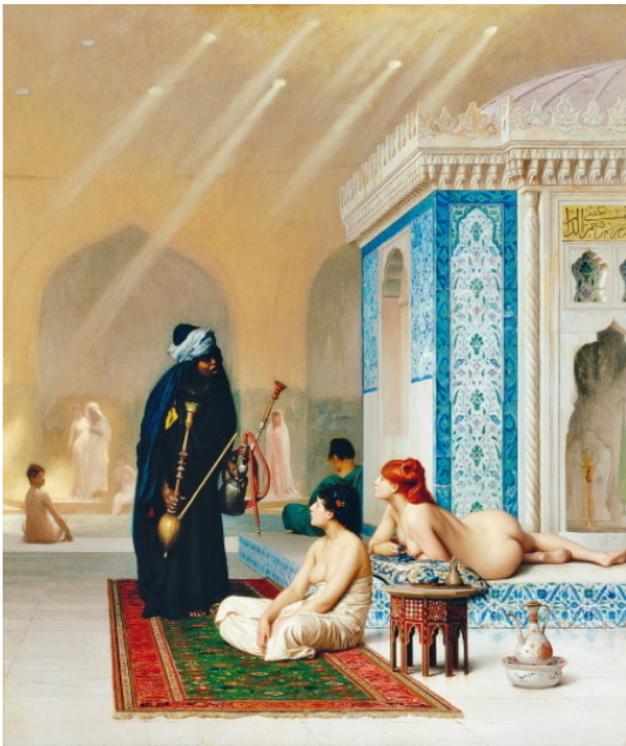
Наверняка это выдумка, семейная легенда, но расскажу. Все это было в самом начале, когда детей еще не успели вывезти, и у них еще были силы на шалости. Так вот, статую Медного всадника на Сенатской площади, которую невозможно было эвакуировать, чтобы уберечь от авианалетов, сплошь обложили мешками с песком, а поверх – обшили досками. Эти мешки образовывали настоящую гору, ко-

торая покрывала памятник с головой.

Отец мой с другими пацанами тайком, пользуясь ситуацией, вытащил несколько мешков и проделал внутри этой горы лаз. Оказалось, что, скорее, эти мешки стоит назвать не горой, а шатром – под животом жеребца образовалось пространство, достаточное, чтобы дети могли туда забираться и сидеть.

Просто так мальчики, разумеется, сидеть там не могли, дурная голова рукам покоя не дает. Нетрудно догадаться, что их внимание привлекли гигантские гениталии императорского коня. Несколько недель дети занимались тем, что лазили под брюхо Медного всадника и отпиливали ему «хозяйство». По семейной легенде, отпилили, а то, что можно увидеть на памятнике сейчас, – результат тайной послевоенной реставрации. Но доказательств тому я не имею, кому медный трофей из блокадных ребят достался – не знаю.

Вообще в Петербурге рассказывают и о других случаях с Медным всадником: будто бы отпиливали их и позже несколько раз, как голову у копенгагенской «Русалочки». Но все эти рассказы связаны с циничным брежневским периодом, а отцовская история мне кажется самой правдоподобной – потому что он с друзьями мог действовать незаметно и долго. Все-таки в мирное время пилить приходилось бы на глазах у всех, пусть даже и ночью. А советский милиционер наверняка бдил!

Жан-Леон Жером. «Бассейн в гареме». 1875. Эрмитаж

III. Гарем для коммунистов

Середина второго президентского срока Владимира Владимировича Путина. Третий раз председателем правительства Российской Федерации является Михаил Фрадков. Конец декабря 2006 года, среда. Температура в Москве +5 (аномальный рекорд). В душноватом кабинете в одном brutalном советском здании с видом на краснокирпичный Кремль сидел мужчина шестидесяти лет, плотный, лысоватый, с родинкой между бровей. Чай на столе стыл, лимон заветривался, а человек думал о высоком, о карьерном, о Родине – о выборах в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации пятого созыва, которые должны состояться в следующем году. Звали человека Геннадием Андреевичем Зюгановым.

И в этот момент, в 12 часов 06 минут по МСК (как позже было написано в пресс-релизе), в здании зазвонил телефон. В приемной председателя ЦК КПРФ подняли трубку. Неизвестный мужчина, не представившись, напряженным голосом произнес в трубку, что хочет передать Зюганову одну очень ценную вещь.

– Верю только коммунистам, – сказал аноним. – Знаю, что Зюганов не украдет и не перепродает. А вернет стране и народу!

Сотрудники приемной, видно, самого Геннадия Андре-

евича тогда информацией о странном звонке беспокоить не стали. К Манежной площади вышел член коммунистического ЦК Александр Куликов (в прошлом полковник милиции). «Фонтанка» пишет, что randevу вообще состоялось не на улице, а в переходе станции метро «Театральная».

Аноним вручил коммунисту простой бумажный пакет. Внутри бумажного пакета находился пакет целлофановый. Третьей сумки внутри, какой-нибудь тканевой, например, по современной моде на все экологичное, не было. Зато там находилось...

Кстати, успокою вас, все эти процедуры по разворачиванию свертка происходили не на холодной бездушной асфальтовой мостовой ул. Охотный ряд, которую так не любил Гиляровский, среди влажных воздушных потоков типичной московской зимы с ее +5 по Цельсию. И не среди толп метрополитена. А внутри теплой и гостеприимной приемной КППФ, где чай с лимонами, и кофе с молоком, и люди отзывчивые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.